Лолита Ланская

Развод с генералом.

Любовницу оставь себе

Лолита Ланская

Развод с генералом. Любовницу оставь себе

«Автор»
2026

Ланская Л.

Развод с генералом. Любовницу оставь себе / Л. Ланская — «Автор», 2026

— Я всё прекращу, Вера. Ты ведь не собираешься разрушать семью из-за одной ошибки? — муж смотрел на меня так уверенно, будто я уже согласилась его простить.Четырнадцать лет я была женой генерала Воронцова: переезжала, растила дочь, откладывала карьеру. А он нашёл время на другую женщину и решил, что достаточно попросить меня не устраивать драму. Вместо этого я подала на развод и уехала.В родном городе меня встретил Максим — моя первая любовь. Когда-то он испугался серьёзных отношений, а теперь не собирается упускать второй шанс. Рядом с ним я снова чувствую себя желанной и всё чаще забываю проверять, не написал ли муж.Пока Андрей не появляется на пороге и не застаёт меня смеющейся на кухне с другим мужчиной. Теперь он готов на всё, чтобы вернуть меня. И самое страшное — я всё ещё его люблю.Но когда я почти решаюсь дать нашему браку шанс, муж признаётся в том, о чём промолчал в первый вечер. Оказывается, я пыталась простить ему далеко не всё

© Ланская Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Содержание 5
Глава 1. Ты ведь не собираешься разрушать семью? 6
Глава 2. Любовницу оставь себе 12
Глава 3. В городе, где я была не только женой 17
Глава 4. Ты хотя бы признаёшь, что струсил 22
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Развод с генералом. Любовницу оставь себе

Содержание

Глава 1. Ты ведь не собираешься разрушать семью?
Глава 2. Любовницу оставь себе
Глава 3. В городе, где я была не только женой
Глава 4. Ты хотя бы признаёшь, что струсил
Глава 5. С ним ты так давно не смеялась
Глава 6. Я не давала тебе права решать за меня
Глава 7. Мне тоже можно чего-то хотеть
Глава 8. Свидание, которого я боялась
Глава 9. Утро, которое не хочется отменять
Глава 10. Не подарки, Андрей
Глава 11. Тот мужчина, которого я помню
Глава 12. Я не стану ждать за вашей дверью
Глава 13. Когда нельзя спрятаться ни у одного
Глава 14. Шанс, который я почти дала
Глава 15. Год и восемь месяцев
Глава 16. Теперь ты мне не муж
Глава 17. Свидание с бывшим мужем
Глава 18. Любовь, которой мало извинений
Глава 19. К кому я хочу возвращаться
Глава 20. Дом, в котором меня слышат

Глава 1. Ты ведь не собираешься разрушать семью?

Андрей вернулся в половине десятого, когда я уже второй раз разогрела его ужин и решила, что больше этого делать не стану. Если голодный, сам справится с микроволновкой. Я даже успела закрыть кухонную дверь с тем особенным чувством, которое возникает после маленького, никому не заметного бунта.

Но стоило услышать ключ в замке, как я поднялась с дивана.

– Ты почему не написал, что задержишься? Я тебе звонила, – спросила я из прихожей, наблюдая, как он стягивает ботинки.

– Видел, но ответить не мог. Потом уже решил, что скоро буду дома, – Андрей выпрямился, потёр переносицу и протянул мне небольшую коробку. – Заехал по дороге. Твои были, с вишней.

Я взяла пирожные и почувствовала, как быстро отступает обида, хотя весь вечер я мысленно с ним ссорилась.

– Ты всё-таки помнишь, какие я люблю.

– Вер, мы четырнадцать лет женаты. Было бы странно, если бы не помнил.

Он поцеловал меня в висок, придержал за талию и заглянул через плечо в коридор.

– Полина ещё не спит? Она обещала показать фотографии с экскурсии.

– У себя, собирается ложиться. Ты сначала поешь, а то она тебе не только фотографии покажет, но и перескажет всё, что там происходило.

– Тогда я быстро в душ. Сегодня какой-то бесконечный день.

Он прошёл в спальню, на ходу ослабляя галстук, а я вернулась на кухню и достала ужин.

На краю стола стоял мой ноутбук. Я открыла его ещё час назад: хотела показать Андрею письмо от Лены, моей институтской подруги. Она руководила небольшой дизайн-студией в нашем родном городе и предложила мне попробовать взять проект. Не целый дом, не что-нибудь сложное – небольшую квартиру, причём сначала нужно было сделать тестовое задание.

Я перечитала её сообщение, наверное, раз двадцать.

«Ты только не начинай рассказывать, что всё забыла. Пришли, что у тебя есть, а дальше посмотрим».

После этого я полдня разбирала старые папки, ругала себя за нелепые названия файлов и даже нашла несколько работ, которые не стыдно было отправить. Теперь оставалось поговорить с мужем.

Не попросить разрешения. Я специально повторила это про себя, пока ставила тарелку в микроволновку. Просто поговорить, как разговаривают люди, у которых общая жизнь.

Андрей появился на кухне раньше, чем я успела нарезать хлеб. Уже в домашней футболке, с мокрыми волосами, он выглядел моложе и мягче, чем в форме.

– Полина сказала, что я опоздал и презентация переносится на завтра, – сообщил он, усаживаясь за стол. – Строгая у нас дочь растёт.

– У неё было в кого пойти. Не каждой девочке достаётся папа-генерал, у которого на любое дело свой порядок.

Он усмехнулся и потянулся за хлебом.

– Ты сама ела или опять ждала меня?

– Ела с Полиной. Андрей, мне сегодня Лена написала. У них в студии сейчас много работы, и она предложила…

Его телефон завибрировал. Он взглянул на экран, выслушал несколько слов и поднялся.

– Сейчас перезвоню, дай две минуты, – сказал он в трубку, а потом повернулся ко мне: – Вер, подожди, пожалуйста. Только отвечу и спокойно поговорим.

Он оставил личный телефон возле хлебницы, достал служебный и вышел в коридор перезвонить. Через несколько секунд я услышала, как закрылась дверь кабинета.

Я накрыла его тарелку другой тарелкой, чтобы еда не остыла, и начала убирать со стола ненужные приборы. В ту минуту я думала только о том, что надо перестать начинать важные разговоры после девяти вечера. Иначе вся моя жизнь так и будет складываться из того, о чём мы поговорим потом.

Экран возле хлебницы загорелся, когда я потянулась за ножом.

Имя «Марина» ничего мне не сказало. Я даже не собиралась читать сообщение, просто взгляд сам зацепился за первые слова.

«В пятницу сможешь остаться до утра? Хочу хотя бы раз нормально проснуться с тобой».

Я стояла с ножом в руке и смотрела на экран, пока он не погас. Потом осторожно положила нож на доску и коснулась телефона пальцем. Сообщение появилось снова.

Я прочитала его ещё раз, уже медленно, как будто в первый могла перепутать слова. Но там по-прежнему было про пятницу, про утро и про желание проснуться с моим мужем.

Из кабинета донёсся голос Андрея. Он что-то уточнял, недовольно перебил собеседника и заговорил громче. Всё было так обычно, что я вдруг подумала: наверное, существует какое-то объяснение. Неприятное, глупое, но всё-таки объяснение, после которого мне станет стыдно за то, что я успела представить.

Когда Андрей вернулся, я всё ещё стояла возле стола.

– Опять всё остыло? – Он посмотрел на накрытую тарелку и вздохнул. – Прости, там действительно нужно было…

Я повернула к нему телефон.

– Кто такая Марина?

Он остановился. Сначала посмотрел на экран, потом на меня, и по тому, как медленно изменилось его лицо, я поняла: объяснения, которого я ждала, не будет.

– Ты зачем взяла мой телефон?

Я опустила глаза на свою руку. Даже не заметила, когда успела его поднять.

– Он лежал на столе, Андрей. Пришло сообщение, я его увидела. Скажи мне, пожалуйста, кто эта женщина и почему она хочет проснуться с тобой.

Он подошёл, забрал телефон и положил его экраном вниз.

– Давай ты сначала сядешь, а потом мы спокойно поговорим.

– Я сейчас не хочу садиться. Я хочу, чтобы ты ответил.

Голос у меня звучал непривычно тонко. Я слышала это и злилась, потому что хотела говорить твёрдо, не срываясь на слёзы. Мне нужен был ответ, хотя по его лицу я уже всё поняла.

Андрей отодвинул стул, но садиться тоже не стал.

– Я не хотел, чтобы ты узнала вот так.

У меня свело живот. Я прижала ладонь к краю столешницы и несколько секунд смотрела на ворот его футболки, потому что поднять глаза не получалось.

– А как ты хотел, чтобы я узнала? Собирался выбрать подходящий вечер?

– Вер, не надо сейчас…

– Ты с ней спишь, Андрей? Я нормально спрашиваю, без крика. Ты можешь мне нормально ответить?

Он провёл ладонью по затылку.

– Да, у меня были отношения на стороне. Но это не то, что ты сейчас себе представляешь.

Я всё-таки села, потому что ноги начали дрожать.

Передо мной лежала его вилка. На столе осталось круглое влажное пятно от стакана, и я почему-то провела по нему пальцем. Потом ещё раз.

– А что я должна представлять? – спросила я. – Объясни мне, потому что я, кажется, ничего не понимаю.

– Это ничего не значило. Я не собирался уходить из семьи, даже не думал об этом. Между нами ничего не изменилось.

Я посмотрела на него так, что он замолчал.

– Ты правда сейчас сказал, что между нами ничего не изменилось?

– Я сказал, что не перестал тебя любить, – ответил он уже жёстче. – Не надо выворачивать каждое слово.

На глазах выступили слёзы. Я быстро вытерла их ладонью, но стало только хуже: щёки намокли, нос заложило, и теперь я ещё должна была следить за дыханием, чтобы не начать всхлипывать.

Андрей достал из шкафчика стакан, налил воды и поставил передо мной.

– Выпей немного. Пожалуйста, давай без…

– Только не говори мне, как сейчас нужно себя вести.

Он убрал руку от стакана.

Некоторое время мы молчали. Я слышала шум воды в ванной – Полина чистила зубы – и вдруг с ужасом подумала, что она может зайти на кухню. Увидит меня, спросит, что случилось, а я даже лицо пока не могла привести в порядок.

– Сколько это продолжается? – спросила я тише. – Мне нужно знать, сколько времени ты приходишь домой и делаешь вид, что у нас всё хорошо.

Андрей отвёл взгляд к окну.

– Полтора месяца. Примерно шесть недель.

Я попыталась вспомнить, что было шесть недель назад. Мы ездили выбирать Полине новый письменный стол. Я злилась, что Андрей всё время отвлекался на звонки, а вечером он заказал еду, усадил нас смотреть старую комедию и держал мою руку у себя на колене.

Тогда он уже встречался с ней или ещё нет?

– Кто она?

– Ты её не знаешь.

– Я спросила не об этом. Где ты с ней познакомился?

– На одном мероприятии. Она занимается организацией, у неё агентство.

– Она знает, что ты женат?

Он чуть заметно поморщился.

– Знает, конечно. Вер, какая сейчас разница, что она знает?

Я подняла голову, и слёзы снова покатились по лицу.

– Для тебя никакой, я уже поняла. А я хочу знать, как это вообще происходит. Ты ей говоришь, что у тебя жена и дочь, а потом вы договариваетесь, в какой день тебе удобнее остаться до утра?

– Я ни разу не оставался до утра.

Я уставилась на него, а он, кажется, только после этого услышал собственный ответ.

– Андрей, ты сейчас серьёзно? Мне должно стать легче от того, что ты возвращался спать домой?

Он сел напротив и потянулся к моей руке. Я убрала её со стола раньше, чем он успел коснуться пальцев.

– Я понимаю, что виноват, – сказал он, глядя мне в лицо. – И я не собираюсь продолжать. Завтра поговорю с ней, всё закончу, ты больше об этом не услышишь.

Я несколько секунд пыталась понять, что именно он предлагает. Завтра поговорит с ней. Всё закончит. Я больше не услышу.

А потом мы, наверное, снова поедем выбирать что-нибудь для дома.

– Ты говоришь так, будто я пожаловалась на какой-то неприятный звонок и ты обещаешь разобраться.

– А что ты хочешь от меня услышать? – В его голосе впервые отчётливо проступило раздражение. – Я не отрицаю того, что сделал. Я говорю, что это закончится. Что ещё я должен сказать?

Мне захотелось схватить стоявший передо мной стакан и швырнуть его в стену. Не в Андрея, даже не рядом с ним – просто сделать что-нибудь громкое, от чего он наконец перестанет разговаривать со мной таким терпеливым голосом.

Я сжала руки под столом.

– Я не знаю, что ты должен сказать, – выговорила я. – Правда не знаю. Но ты даже не выглядишь испуганным. Ты сидишь и объясняешь мне, как мы сейчас всё уладим, а я не понимаю, как мне потом лечь с тобой в одну кровать.

Он шумно выдохнул и откинулся на спинку стула.

– Вер, пожалуйста, не надо устраивать драму на весь дом. Ребёнок за стеной.

Я невольно посмотрела на дверь. Потом снова на него.

– Я пока даже голос не повысила.

– Я вижу, к чему идёт разговор.

– А я не вижу! – Голос всё-таки сорвался, и я сама от него вздрогнула. – Я ничего не вижу, Андрей. Ещё десять минут назад я собиралась показать тебе письмо по работе. Думала, как лучше рассказать, чтобы ты не сказал, что сейчас неподходящий момент. А ты десять минут назад уже знал, что спишь с другой женщиной, и спокойно спрашивал, ела ли я!

Он поднялся и прикрыл кухонную дверь.

Это движение почему-то добило меня сильнее всего. Я расплакалась уже без попыток остановиться, закрыв лицо ладонями и ненавидя себя за то, что не могла взять себя в руки.

Андрей подошёл, опустился передо мной на корточки и осторожно положил руки мне на колени.

– Верочка, посмотри на меня. Ну пожалуйста. Я понимаю, что сделал тебе больно.

От знакомого обращения стало ещё хуже.

Когда я рожала Полину и схватки стали совсем тяжёлыми, он точно так же сидел рядом, держал меня за руку и просил смотреть на него. Потом мы долго смеялись, потому что я велела ему замолчать, а он впервые в жизни послушался сразу.

Сейчас мне тоже хотелось схватить его за руку. Прижаться лицом к плечу и услышать, что всё можно исправить, что я неправильно поняла, что это какой-то чужой кошмар.

Я ненавидела его за то, что даже в эту минуту хотела утешения именно от него.

– Не трогай меня сейчас, пожалуйста, – попросила я, отодвигаясь вместе со стулом. – Мне от этого не легче.

Он убрал руки и медленно поднялся.

В дверь негромко постучали.

– Мам, а где зарядка от планшета? Я в гостиной смотрела, там нет.

Я поспешно вытерла лицо, но Полина уже приоткрыла дверь. В большой футболке, с влажными после умывания волосами, она сначала посмотрела на меня, потом на отца.

– А что случилось? Ты почему плачешь?

Андрей обернулся к ней быстрее, чем я успела ответить.

– Мы с мамой разговариваем. Зарядку посмотри в ящике под телевизором, я утром убрал.

Полина не ушла. Она продолжала смотреть на меня, и я заставила себя опустить руки, чтобы не прятать лицо.

– Мы поссорились, солнышко. Ты иди ложись, я сейчас к тебе зайду.

– Сильно поссорились? – Она нахмурилась, прижавшись плечом к дверному косяку.

Я не смогла соврать, что ничего особенного не произошло.

– Мне сейчас тяжело об этом говорить. Я немного успокоюсь и приду, хорошо?

Полина кивнула, но уходила медленно. Я слышала, как она открыла ящик в гостиной, потом прошла к себе.

Андрей дождался, пока за ней закроется дверь.

– Вот этого я и не хотел.

Я посмотрела на него, не сразу найдя слова.

– Тогда надо было раньше подумать, Андрей. Не тогда, когда я заплакала.

Он сжал губы, но спорить не стал.

Я вышла в ванную, умылась холодной водой и долго промокала лицо полотенцем. В зеркале отражалась женщина, которая за один вечер стала выглядеть так, будто не спала несколько суток. Я убрала за уши мокрые пряди, попыталась успокоиться и пошла к дочери.

Полина лежала на боку, обняв подушку.

– Мы к бабушке всё равно летом поедем? – спросила она, когда я присела на край кровати.

– Конечно поедем. Она уже спрашивала, когда нас ждать.

– Просто вы когда ругаетесь, потом все планы меняются.

Я погладила её по волосам.

– К бабушке мы точно поедем. За это можешь не переживать.

Она подвинулась ближе и прижалась лбом к моему бедру. Я сидела рядом, пока её дыхание не стало ровнее, и думала о том, сколько раз называла наше семейное спокойствие счастьем. Может быть, потому, что мне слишком дорого обходилось это спокойствие и хотелось верить, что оно того стоит.

На кухне Андрей уже убрал посуду. Коробка с пирожными стояла возле ноутбука, а его телефон исчез со стола.

– Она уснула? – спросил он.

– Пока ещё нет, но скоро уснёт.

Он кивнул и посмотрел на меня внимательнее.

– Давай на сегодня остановимся. Ты сейчас на нервах, я тоже нормально соображать не могу. Утром поговорим.

– Ты думаешь, утром это будет выглядеть иначе?

– Я думаю, утром мы хотя бы сможем разговаривать, а не мучить друг друга по кругу.

Я провела пальцами по краю закрытого ноутбука.

– Я не знаю, хочу ли вообще продолжать с тобой жить.

Андрей замер. На секунду мне показалось, что он наконец испугался, но потом его лицо изменилось, стало почти снисходительным.

– Вер, я понимаю, что тебе хочется сейчас сказать что-нибудь как можно больнее.

– Я не для этого сказала.

– Послушай меня. У нас дочь, у нас четырнадцать лет брака, у нас вся жизнь вместе. Ты ведь не собираешься разрушать семью из-за того, что я один раз оступился?

Я медленно повернулась к нему.

– Ты сам сказал, что это продолжается полтора месяца. Почему теперь говоришь про один раз?

– Не цепляйся к словам, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

– Нет, Андрей, я как раз перестала понимать. И мне очень страшно от того, как спокойно ты сейчас решаешь, что я собираюсь делать, а что нет.

Он посмотрел на часы, и я заметила это.

Наверное, он не хотел меня обидеть ещё сильнее. Наверное, просто устал. Я слишком хорошо знала все объяснения, которые можно было найти его поступкам, и от этого у меня опять защипало глаза.

Андрей подошёл ближе, но на этот раз не попытался обнять.

– Я никуда от вас не уйду. И с ней всё закончу. Сейчас тебе кажется, что ничего хуже случиться не могло, а потом мы это переживём. Мы с тобой не первый день вместе.

Я молчала.

Он, похоже, принял моё молчание за усталость.

– Пойдём ложиться. Мне завтра рано вставать, а ты себя только окончательно измучаешь.

– Я пока останусь здесь.

Он несколько секунд ждал, потом кивнул.

– Только не сиди до утра. И выпей хотя бы чаю, ты совсем бледная.

Когда он ушёл, я опустилась на стул.

В спальне открылась дверца шкафа, зашумела вода в ванной. Потом Андрей прошёл по коридору, заглянул к Полине, и квартира постепенно затихла.

Я смотрела на коробку с пирожными и вспоминала, как обрадовалась ей меньше часа назад.

Мне не хотелось ни есть, ни пить, ни разбивать посуду. Хотелось позвонить кому-нибудь и спросить, что теперь делать, но я знала, что не смогу пересказать этот разговор вслух. Мама начнёт плакать. Лена будет ругаться. Мне придётся отвечать на вопросы, а у меня самой их было столько, что я не знала, с какого начать.

Я открыла ноутбук.

На экране всё ещё оставалось письмо о работе. Я прочитала первые две строчки и закрыла почту, потому что сейчас не могла думать ни о планировках, ни о тестовом задании.

Вместо этого открыла поиск. Пальцы несколько раз промахнулись по клавишам. Мне пришлось стереть половину запроса и написать заново. Найти консультацию оказалось несложно; гораздо труднее было выбрать время и вписать своё имя.

Я дошла до графы «Кратко опишите причину обращения» и остановилась.

Из спальни не доносилось ни звука. Андрей, наверное, уже спал. У него завтра был рабочий день, а со мной, как он решил, можно будет договориться утром.

Я ещё несколько секунд смотрела на пустое поле, потом написала: «Хочу подать на развод. Есть несовершеннолетняя дочь».

Прежде чем успела испугаться собственных слов и стереть их, я нажала кнопку записи.

Глава 2. Любовницу оставь себе

Когда Андрей вошёл в спальню, я сидела на полу перед раскрытым чемоданом и складывала Полинины футболки. Самые необходимые вещи я собирала уже почти час, но почему-то никак не могла закончить. То забывала, зачем подошла к шкафу, то по нескольку раз перекладывала одну и ту же кофту.

Он остановился возле кровати с незастёгнутым манжетом.

– Ты решила куда-то поехать? Вер, только не говори, что сейчас начнёшь собирать вещи. Мы вчера договорились утром поговорить, а я просыпаюсь и вижу, что ты уже чемодан достала.

Я разгладила футболку на коленях, хотя на ней не было ни одной складки.

– Мы с Полиной поедем к маме. Я посмотрела расписание, после обеда есть поезд, и билеты пока остались. Возьмём только самое необходимое, остальное я заберу потом, когда пойму, где мы будем жить.

Он медленно опустил руку.

– Подожди, в каком смысле – где будете жить? Ты сейчас про поездку к матери говоришь или уже решила, что больше сюда не вернёшься? Я бы хотел понимать, что происходит у меня дома.

Я подняла на него глаза.

Вчера, ещё до сообщения от Марины, я могла по одному его лицу определить, насколько тяжёлым был день. Знала, когда стоит обнять, когда лучше оставить в покое, а когда достаточно просто подвинуть к нему тарелку и не задавать вопросов.

Сейчас он смотрел на меня с раздражением, которое я тоже хорошо знала. Андрей так смотрел, когда кто-нибудь действовал не по согласованному плану.

– Я сама пока не понимаю, что будет дальше, – ответила я, поднимаясь с пола. – Но оставаться здесь сейчас не могу. Мне нужно хотя бы несколько дней не ждать, что ты войдёшь в комнату и снова начнёшь объяснять, почему я должна успокоиться.

Он заметил папку на кровати и взял её, прежде чем я успела убрать документы в сумку.

– А свидетельства тебе зачем? Паспорт, я понимаю, нужен, Полинины документы тоже, но свидетельство о браке ты для чего достала?

Я протянула руку, однако он продолжал смотреть в папку.

– У меня в десять консультация по поводу развода. Я записалась ночью и приготовила документы по списку на сайте. Отдай, пожалуйста, я ещё хотела проверить, всё ли взяла.

Андрей поднял голову. Несколько секунд он смотрел на меня молча, потом положил папку на комод.

– Ты хоть понимаешь, что делаешь? – спросил он уже другим голосом, без утренней сонливости. – Ты за одну ночь решила развестись, увезти ребёнка и переехать в другой город. Мы даже не успели нормально поговорить, а ты уже выстроила целый план. Может, всё-таки стоит немного подождать, прежде чем устраивать такое?

Я подошла к комоду и убрала папку в сумку. Мне было важно закончить хотя бы это простое действие.

– Андрей, я не за одну ночь решила, как буду жить следующие двадцать лет. Я решила сегодня уехать и поговорить с человеком, который объяснит, что мне делать с разводом. Пока это всё, что я могу. Не требуй от меня сейчас подробного плана, у меня его нет.

Он прошёлся по спальне, остановился возле окна и потёр лицо ладонями.

– Хорошо, ты злишься, я понимаю. Я вчера признал, что виноват, и сказал, что с этой женщиной всё закончу. Но ты ведёшь себя так, будто я объявил, что ухожу из семьи. Я никуда не собираюсь, Вер. Мне нужны ты и дочь, а не другая жизнь с кем-то ещё.

Я застегнула сумку и вдруг обнаружила, что не могу выпустить ремешок из пальцев.

– А мне сейчас очень трудно поверить, что я тебе нужна. Ты представляешь, о чём я думала всю ночь? Вспоминала, когда ты задерживался, когда отменял наши планы, когда приходил домой и сразу шёл в душ. Я даже не знаю, какие из этих вечеров были обычными, а в какие ты возвращался от неё. И ты предлагаешь мне просто подождать, пока ты поговоришь с Мариной, а потом снова жить рядом с тобой?

У него дрогнула щека, когда я произнесла её имя.

– Я не предлагаю тебе забыть всё за один день. Мне тоже ясно, что потребуется время. Но для чего сразу развод? Ты хотя бы о Полине подумай, прежде чем принимать решения за всех троих. У неё здесь школа, друзья, нормальная привычная жизнь, а ты хочешь сорвать её с места посреди учебного года.

Я опустила сумку на стул.

Именно этого разговора я боялась больше всего. Полина ещё спала, не зная, что через час я попрошу её собрать вещи. Мне предстояло смотреть ей в глаза и объяснять то, в чём я сама пока едва разбиралась.

Андрей заметил, что я замолчала.

– Вот видишь, ты даже не знаешь, что ей сказать, – продолжил он тише. – Может, не надо торопиться? Мы взрослые люди, можем хотя бы ради ребёнка решить всё без этих демонстративных отъездов.

Я резко повернулась к нему.

– Я о ней всю ночь думала! О том, как она будет скучать по дому, как спросит, когда мы вернёмся, что я отвечу, если она расплачется. Мне от этого так плохо, что я с утра даже воды нормально выпить не могу. Только почему ты вспомнил о её спокойствии именно сейчас, когда я начала собирать вещи? Раньше ты не понимал, что она тоже может пострадать?

– Я никогда не собирался бросать дочь, – отрезал он, но, увидев моё лицо, заставил себя говорить спокойнее. – И тебя не собирался. Я работал для вас, старался, чтобы вы ни в чём не нуждались. Да, я виноват, но нельзя же теперь делать вид, что все четырнадцать лет я был тебе чужим человеком.

Слёзы снова подступили так быстро, что я не успела отвернуться.

– Я не делаю вид, Андрей. Я прекрасно помню, как ты ночами носил Полину по квартире, потому что у неё болел живот. И как приезжал ко мне в больницу, и как мы выбирали эту квартиру, и сколько всего хорошего у нас было. Я поэтому и не могу сейчас нормально дышать, понимаешь? Если бы ты был мне чужим человеком, я бы не сидела ночью на кухне и не пыталась придумать, как всё-таки могла неправильно понять то сообщение.

Он приблизился. Лицо у него смягчилось, и я сразу поняла, что он услышал в моих словах не то, что я пыталась сказать.

– Ну так давай не будем всё это перечёркивать, – заговорил он негромко, почти ласково. – Я люблю тебя, Вер. Я знаю, что ты мне сейчас не веришь, но это правда. Ты ни в чём не виновата, тебе не нужно…

Он коснулся моего плеча, и я отступила так резко, что задела ногой чемодан.

– Любовницу оставь себе, Андрей. Только не надо меня успокаивать так, будто я сейчас поплачу, а потом опять пойду гладить тебе рубашки, – выговорила я, вытирая мокрые щёки ладонями. – Я не знаю, смогу ли когда-нибудь спокойно принять твоё прикосновение. А ты уже решил, что мы немного помучаемся и всё обязательно наладится.

Андрей убрал руку. Несколько секунд он смотрел на меня, тяжело дыша, потом отвернулся.

– Я тебе с вечера повторяю, что всё с ней прекращу, а ты словно не слышишь, – сказал он, сдерживая раздражение. – Мне что, позвонить ей при тебе? Ты этого хочешь? Чтобы я поставил телефон на громкую связь и ты сама услышала?

Меня передёрнуло от одной мысли о её голосе в нашей спальне.

– Нет, я не хочу её слышать. И смотреть, как ты с ней разговариваешь, тоже не хочу. Я прошу тебя только об одном: перестань сейчас уговаривать меня остаться. Я всё равно уеду, даже если потом весь день буду плакать и сомневаться, правильно ли поступила.

В коридоре открылась дверь Полининой комнаты.

Мы оба замолчали.

Дочь шаркнула тапочками, прошла в ванную и включила воду. Андрей посмотрел на часы, затем на расстёгнутый манжет, о котором так и забыл.

Я снова опустилась перед чемоданом. Теперь мне хотя бы было понятно, что делать руками.

* * *

Полина заметила вещи ещё до завтрака.

Она остановилась возле чемодана в прихожей, потянула за выдвинутую ручку, потом посмотрела на меня.

– Мы что, к бабушке едем? А почему ты вчера ничего не сказала? Я с Соней договорилась после школы встретиться, мы вообще-то вместе презентацию делаем.

Я попросила её сначала сесть за стол.

По тому, как она сразу нахмурилась, стало ясно: эта просьба испугала её сильнее, чем чемодан.

Андрей уже сидел на кухне. Перед ним остывал кофе. Я поставила перед дочерью тарелку и села рядом, хотя есть не собиралась.

– Мы с тобой сегодня поедем к бабушке и некоторое время поживём у неё, – сказала я, стараясь не прятать от Полины глаза. – В школу я напишу, с уроками тоже разберёмся. Ты можешь взять с собой всё, что тебе сейчас нужно, не только одежду.

Она посмотрела на отца.

– А ты почему не собираешься? Или приедешь потом на машине? Просто мы обычно вместе едем, и вы мне хотя бы заранее говорите.

Андрей отставил чашку.

– У меня работа, Поль, ты же знаешь. Вы пока побудете у бабушки, а мы с мамой немного успокоимся и всё обсудим. Тебе не нужно из-за этого переживать, ничего страшного не происходит.

Я почувствовала, как напряглась дочь.

Она смотрела на меня слишком внимательно для человека, которого только что убедили не волноваться.

– А ты почему тогда опять плакала? – спросила Полина. – Я вчера слышала, как вы разговаривали, просто не поняла, о чём. Вы теперь всё время будете ссориться или можно уже нормально сказать, что случилось?

Я положила ладонь на стол рядом с её рукой, не решаясь прикоснуться.

– Мы очень серьёзно поссорились, и я пока не могу оставаться здесь. Это не из-за тебя, и тебе не нужно пытаться нас помирить. Я понимаю, что сейчас ты злишься, потому что мы решили уехать, даже не предупредив тебя, но по-другому у меня сегодня не получается.

– Конечно, злюсь, – ответила она, и голос у неё задрожал. – У меня здесь вообще-то тоже жизнь, не только у вас. Я не хочу пропускать школу, не хочу потом всем объяснять, куда делась. Почему, если вы поругались, я тоже должна куда-то ехать?

Я увидела, как Андрей поднял на меня глаза, но смотреть на него не стала.

– Потому что сейчас я не готова уехать без тебя, – призналась я. – Я понимаю, что это не тот ответ, который ты хотела услышать. У бабушки мы спокойно обсудим и школу, и всё остальное. А с папой ты будешь разговаривать сколько захочешь, я не стану тебе мешать.

Полина отодвинула тарелку.

– Я всё равно ему буду звонить, даже если вы опять поругаетесь. И фотографии с экскурсии я ему ещё не показала, потому что он вчера поздно пришёл.

– Обязательно покажешь, – сказал Андрей, наклоняясь к ней через стол. – Можешь вечером позвонить по видео, вместе всё посмотрим. И если захочешь просто поговорить, тоже звони. Я не всегда могу сразу ответить, но перезвоню, как только освобожусь.

Она кивнула, прикусив губу, и ушла собирать рюкзак.

Я смотрела на её тарелку. На краю хлеба остался след от маленького укуса.

– Мне и без твоих слов понятно, как ей плохо, – сказала я, когда Андрей пошевелился напротив. – Поэтому, пожалуйста, не начинай сейчас снова объяснять, что я всё делаю неправильно. Я услышала тебя ещё в спальне.

Он провёл ладонью по столу, словно собирался стряхнуть несуществующие крошки, но ничего не ответил.

* * *

Маме я позвонила из ванной.

Я собиралась сказать, что мы соскучились и решили приехать на несколько дней, однако она услышала мой голос и сразу перестала рассказывать о своих делах.

– Верочка, ты заболела или что-то случилось? Только не говори мне, что всё хорошо, я же слышу, как ты дышишь. С Полиной всё в порядке?

Я села на край ванны, прижимая телефон к уху.

– С Полиной всё нормально, мам. Можно мы сегодня приедем к тебе? Я пока не знаю, на сколько, поэтому даже не могу толком объяснить. Мы с Андреем… Я сейчас не могу об этом говорить, иначе опять начну плакать.

Мама ненадолго замолчала.

– Тогда приезжайте, а поговорим уже здесь, когда сможешь. Комнату я вам приготовлю, полотенца достану, ничего лишнего не тащи. И поешь обязательно, прежде чем ехать, потому что я тебя знаю: сейчас на пустой желудок начнёшь по всему городу бегать.

Я прижала свободную ладонь ко рту, пытаясь удержать всхлип.

Мама сделала вид, что не слышит.

Она ещё что-то говорила про постельное бельё и продукты, а я сидела на краю ванны и слушала, как человек, которому я даже ничего толком не объяснила, уже освобождает для нас место в своей квартире.

Когда я вышла, Андрей стоял в прихожей.

– Я могу попросить водителя вас отвезти, – сказал он, глядя на моё опухшее лицо. – Хотя бы не придётся таскаться с чемоданом. Не нужно сейчас отказываться от любой помощи только потому, что она от меня.

Я опустила глаза на его руку. На пальце было обручальное кольцо.

Моё тоже оставалось на месте.

– Я уже заказала такси. Доедем нормально, а когда будем у мамы, я напишу. И Полине вечером обязательно позвони, пожалуйста. Она сейчас делает вид, что просто сердится, но ты же сам видел, как она на нас смотрела.

Он кивнул, задержался ещё на несколько секунд, будто хотел сказать что-то другое, потом взял ключи и вышел.

* * *

К юристу мы приехали с чемоданом.

Полина осталась ждать на диване возле кабинета, надев наушники. Я предложила ей купить что-нибудь поесть, но она сказала, что пока не хочет.

В кабинете я достала документы и вдруг растерялась. Дома мне казалось, что главное – доехать сюда. Теперь требовалось рассказывать незнакомому человеку о нашей семье, и я никак не могла найти подходящее начало.

Женщина напротив не торопила. Спросила, сколько лет мы женаты, сколько лет дочери, уточнила несколько вещей, а потом отложила ручку.

– Вера, мы можем сегодня просто поговорить, а решение вы примете позже. Вы выглядите так, будто совсем не спали. Я не отговариваю вас, только хочу понять: вы пришли узнать, как всё происходит, или уже хотите начать оформление?

Я посмотрела на свидетельство о браке.

Помнила день, когда держала его в руках впервые. Андрей тогда забрал у меня документ и убрал во внутренний карман пиджака, потому что у меня были заняты руки – в одной букет, другой я всё время поправляла волосы.

– Я хочу подать заявление, – сказала я, подняв глаза. – Я могу расплакаться ещё несколько раз, и, наверное, со стороны будет казаться, что я не уверена. Но заявление я хочу подать. Для этого я и приехала.

Пока готовили документы, я несколько раз проверила телефон. Андрей не звонил.

Я поставила подпись, аккуратно вывела дату и только после этого заметила, как сильно дрожит рука.

* * *

В поезде Полина устроилась у окна и позвонила отцу раньше, чем мы отправились.

Рассказала, что я купила ей сэндвич, пожаловалась на неудобный рюкзак и спросила, не забыла ли она дома зарядку от фотоаппарата. Андрей что-то ответил, и она впервые за день немного улыбнулась.

Я отвернулась, давая им поговорить.

Когда поезд тронулся, на почту пришло сообщение от юриста: заявление отправлено. Я открыла приложенные документы, нашла наши имена и долго смотрела на них.

Потом написала Андрею время приезда к маме и добавила, что на консультации была, заявление на развод подали.

Сообщение он прочитал почти сразу.

Я ждала звонка, то убирая телефон, то снова доставая его из сумки. Мне казалось, теперь он наконец поймёт. Не обязательно согласится, не обязательно скажет то, что мне нужно, но хотя бы перестанет считать происходящее ссорой, после которой достаточно переждать несколько дней.

Полина сняла наушники и придвинулась ко мне.

– Мам, я немного посплю, а ты разбуди, когда уже подъезжать будем. Только заранее, пожалуйста, а то у меня всё по рюкзаку раскидано, я быстро не соберусь.

Я обняла её за плечи и поправила сбившийся ворот толстовки.

Телефон завибрировал, когда она уже задремала.

От Андрея пришло сообщение:

«Напиши, на какое число брать вам обратные билеты, чтобы потом не искать места по разным вагонам. Думаю, в воскресенье уже можно возвращаться. Я освобожу вечер и встречу вас на вокзале».

Я перечитала его дважды.

Сообщение о том, что я подала на развод, оставалось прямо над его вопросом об обратных билетах.

Глава 3. В городе, где я была не только женой

Ответ Андрею я написала, когда поезд уже подходил к станции. До этого несколько раз открывала переписку, набирала что-то и стирала, потому что любой мой ответ превращался либо в оправдание, либо в продолжение вчерашней ссоры.

«Обратные билеты покупать не нужно. В воскресенье мы не возвращаемся, и говорить об этом с Полиной, пока мы сами ничего не решили, пожалуйста, не надо. Напишу, когда будем у мамы».

Я отправила сообщение и разбудила дочь.

Пока она сонно собирала разбросанные вещи, я смотрела в окно. За стеклом тянулись гаражи, потом появился пешеходный мост с облупившимися перилами. Раньше я всегда начинала улыбаться где-то здесь. Доставала телефон, звонила маме, говорила, что уже почти приехала, и обещала ничего не покупать на вокзале, потому что дома меня ждёт нормальная еда.

Теперь я сидела с телефоном в руке и пыталась вспомнить, давно ли приезжала сюда не на несколько дней между Андреевыми служебными делами и Полининими занятиями.

Мама ждала у подъезда. На ней была старая стёганая жилетка, которую я уже несколько лет уговаривала заменить, и домашние брюки, заправленные в короткие сапоги. Увидев такси, она сразу пошла к нам, хотя я ещё даже не успела расплатиться.

Сначала обняла Полину, потом меня.

– Ну вот, доехали, а я уже третий раз выглядываю, – заговорила она, придерживая меня за локоть. – Вроде и понимаю, что поезд раньше расписания не придёт, а всё равно у окна стою. Давай сумку, только не спорь, я не чемодан у тебя отбираю. Полина, ты куртку застегни, здесь между домами всегда дует.

Я смотрела на неё и кивала, боясь открыть рот.

Мама заметила. Провела ладонью по моему рукаву и больше ни о чём не спросила.

В квартире пахло курицей и свежевыстиранным бельём. В большой комнате был разложен диван, на подоконнике стоял фикус, который мама собиралась кому-нибудь отдать ещё до моего замужества. Возле телевизора лежали подготовленные для нас полотенца.

Полина села на диван, достала телефон и сразу начала кому-то писать.

– Ба, у тебя пароль от интернета не менялся? У меня почему-то не подключается, а мне Соне надо ответить, она уже спрашивает, куда я пропала.

Мама пошла искать листок с паролем, а я осталась посреди комнаты с сумкой на плече.

Здесь всё было знакомым, но мне вдруг стало неловко. Я привезла чемодан, расстроенную дочь и проблемы, которые не могла пока ни объяснить, ни решить. Мама уже передвинула ради нас журнальный столик, освободила полку в шкафу, застелила диван, а я даже не знала, когда смогу вернуть ей привычную жизнь.

– Вер, ты сумку-то сними, – мягко сказала она, проходя мимо. – Чего стоишь, будто тебе сейчас обратно ехать? Вещи потом разберёшь, сначала руки вымой и садись есть. Я специально тебя дожидалась, сама уже голодная.

Я поставила сумку у шкафа и пошла в ванную.

* * *

После ужина Полина позвонила отцу.

Она закрыла дверь в комнату, но я всё равно слышала, как рассказывает про поезд, бабушкин ужин и фотографию, которая никак не хотела открываться на телефоне. Потом засмеялась, и я невольно замерла с чашкой в руках.

Мама посмотрела на меня, однако ничего не сказала. Только убавила телевизор, работавший на кухне.

Я написала Андрею, что мы добрались. Он ответил, что уже разговаривает с дочерью.

Несколько минут мы с мамой молча убирали посуду. Я мыла тарелки, она вытирала и ставила их в шкаф, иногда поправляя меня, когда я тянулась не на ту полку. За годы моего отсутствия чашки успели переехать, а я всё ещё искала их там, где они стояли в мои двадцать.

– Теперь можешь рассказать, что у вас случилось? – спросила мама, складывая полотенце. – Я не собираюсь выпытывать подробности, но ты приехала с таким лицом, что мне страшно на тебя смотреть. Он тебе что-то сказал или вы давно уже ссорились, а ты молчала?

Я выключила воду.

До этой минуты мне казалось, что я смогу произнести всё спокойно. Назвать случившееся своими словами, не заплакать, объяснить, что подала заявление.

Но, посмотрев на мамино лицо, я поняла, что снова не готова.

– У него другая женщина, мам. Я вчера увидела сообщение на телефоне, спросила, и он признался. Сказал, что это длится примерно полтора месяца и ничего для него не значит.

Мама медленно опустилась на стул.

– Господи… А я-то думаю, почему ты даже по телефону разговаривать не можешь. Верочка, он тебе сам всё рассказал? Даже не пытался отрицать?

– Он сначала спросил, зачем я взяла его телефон, а потом начал объяснять, что из семьи уходить не собирается. Пообещал всё прекратить и предложил не устраивать драму. Я, наверное, больше всего вот это и слышу до сих пор, даже когда стараюсь думать о чём-нибудь другом.

Мама поджала губы. Я видела, как она перебирает возможные ответы, и заранее испугалась того, который она выберет.

– Я не оправдываю его, ты не подумай, – начала она осторожно. – Но, может быть, вам действительно пока не стоит торопиться с окончательными решениями? Пусть поживёт без вас, поймёт, что натворил. Вы ведь столько лет вместе, и он тебя любит, я же видела, как он на тебя…

– Мам, пожалуйста, не рассказывай мне сейчас, как он меня любит.

Она замолчала, но я уже не смогла остановиться.

– Я весь день только и слышу, что нельзя торопиться. От него, от самой себя, теперь ещё от тебя. Я и так каждую минуту думаю, что, может быть, надо было остаться, закрыться в другой комнате, потерпеть, пока перестанет так трясти. Только я представляю, как он возвращается домой, целует меня, а я не знаю, где он был, и мне хочется просто выбежать из квартиры. Ты сегодня хотя бы не уговаривай меня обратно, ладно?

Последние слова я сказала слишком громко.

Мама посмотрела на дверь кухни, потом на свои руки.

– Я тебя не выгоняю, Вера. И обратно не отправляю. Я испугалась за тебя и, наверное, сказала не то, что нужно. Мне хочется верить, что это можно как-то исправить, потому что я вижу, как тебе больно, а помочь не умею.

Мне сразу стало стыдно.

Она сидела передо мной, сгорбившись, и разглаживала пальцами угол кухонного полотенца. Я вдруг заметила, что у неё потрескалась кожа на большом пальце, и вспомнила, как собиралась привезти хороший крем, но опять забыла.

– Прости меня, – сказала я, садясь рядом. – Ты ничего плохого не сделала, а я на тебя набросилась. Просто я сейчас от любого слова начинаю защищаться, даже когда понимаю, что никто на меня не нападает.

Мама накрыла мою руку своей.

– Тогда давай сегодня вообще ничего решать не будем. Ты приехала домой, здесь можно и поплакать, и помолчать, и позлиться, если без этого не получается. Только не думай, что должна поскорее собраться и снова куда-то уехать, чтобы мне не мешать.

Я наклонилась к ней, уткнулась лицом в плечо и наконец позволила себе заплакать, не стараясь сделать это незаметно.

* * *

Утром я проснулась от маминого будильника и сразу потянулась к телефону.

В первое мгновение мне показалось, что мы проспали. Андрей обычно вставал раньше меня, но иногда я просила его не завтракать на ходу и обещала приготовить что-нибудь горячее.

Потом я увидела рядом Полину, спящую поперёк своей половины дивана, и вспомнила, где нахожусь.

Я осторожно выбралась из-под одеяла. Дочь недовольно вздохнула, подтянула колени к животу и перевернулась к стене.

На кухне мама наливала воду в чайник.

– Ты чего так рано поднялась? Я постаралась тихо, думала, вы ещё поспите после дороги. Можешь обратно лечь, я через час в магазин схожу и на почту, вам мешать не буду.

– Я уже не усну. Посижу немного, пока Полина спит, надо классной руководительнице ответить и задания у неё попросить. Вчера написала, что мы уехали по семейным обстоятельствам, теперь вот объясняю, что пока не знаю, на сколько.

Мама кивнула и достала ещё одну чашку.

Пока я переписывалась с учительницей, чай остыл. Я подогрела его, намазала хлеб маслом и вдруг поймала себя на том, что снова смотрю на часы.

Никого не нужно было торопить. Не надо было рассчитывать, успеет ли Андрей поесть, прежде чем за ним приедет машина. Не нужно было выяснять, будет ли он вечером дома, и решать, что разморозить к ужину.

Свободное утро почему-то не радовало. Я сидела перед собственной тарелкой и не понимала, чем занять время после обязательных дел.

Полина проснулась ближе к девяти. Пришла на кухню с телефоном и сразу сообщила, что Соня переделывает их презентацию одна.

– Я ей написала, что могу помочь отсюда, а она говорит, что так неудобно. И у них сегодня после уроков все в кафе собираются, потому что у Кати день рождения, а я даже подарок уже купила. Он у меня дома на столе остался.

Я отложила ложку.

– Давай попросим папу передать подарок, чтобы Катя его всё-таки получила. А с презентацией попробуйте созвониться, вы же раньше вместе по видео делали задания. Я понимаю, что это не то же самое, но, может быть, хотя бы часть работы получится разделить.

Полина пожала плечами.

– Папу я сама попрошу, ты не звони ему из-за подарка. И не надо мне пока никаких развлечений придумывать, пожалуйста. Я понимаю, что ты стараешься, но мне сейчас просто хочется домой.

Я кивнула и больше не стала её уговаривать.

* * *

Когда дочь вернулась в комнату, я открыла переписку с Леной.

Её сообщение о работе по-прежнему оставалось без ответа.

«Предложение ещё в силе? Я приехала в город. Могу прислать старые проекты, только не пугайся, там многое нужно приводить в порядок».

Она позвонила почти сразу.

– Ты приехала и даже не сказала? Я тебе уже собиралась писать, что молчание за согласие не принимается. Ты у мамы остановилась? Я завтра после работы заеду, только сразу предупреждаю: кормить меня необязательно, а вот чаем напоить придётся.

Я улыбнулась впервые с утра.

– Заезжай, я буду рада. Мы с Полиной пока здесь поживём, только я сама ещё не знаю, как всё устроится. Мы с Андреем расстались, Лен. Я вчера подала на развод.

На другом конце стало тихо.

– Подожди, я сейчас из общего кабинета выйду, – сказала она уже совсем другим голосом. Послышались шаги, хлопнула дверь. – Ты можешь говорить или рядом Полина? Я не буду расспрашивать, если тебе тяжело, только не пытайся пережить всё это в одиночку.

– Полина в комнате, а я на кухне. Про Андрея я тебе завтра расскажу, хорошо? Я уже столько об этом говорила, что хочется хотя бы час заняться чем-нибудь другим. Ты лучше объясни, что мне прислать по работе, потому что я сейчас открою свои папки и начну убеждать себя, что там всё ужасно.

Лена негромко выдохнула.

– Тогда присылай два-три проекта, которые сама считаешь удачными, и отдельно напиши, что тебе удобнее делать сейчас. Не то, чему ты когда-то училась, а именно с чем можешь сесть и работать без трёх дней паники. Я посмотрю, потом дам небольшое задание по квартире. За него заплатим, но переделывать, возможно, придётся, сразу тебя предупреждаю.

– Ты только не отдавай мне заказ из жалости. Я правда боюсь, что половину уже забыла, а вторую половину умею не так, как сейчас у вас принято. Мне будет ещё хуже, если ты начнёшь делать вид, что всё прекрасно, потому что у меня дома неприятности.

– Вер, у меня сроки и клиент, который уже трижды передумал насчёт кухни. На благотворительный спектакль сил не хватит, даже если очень захочу. Где будет плохо, там я тебе скажу, а где нормально – тоже скажу, без всяких скидок. Ты мне сейчас только не пришли тридцать файлов с названиями «последний», «совсем последний» и «вот этот точно последний», потому что я тебя помню.

Я рассмеялась, увидев на экране именно такую папку.

После разговора я просидела за ноутбуком почти два часа.

Некоторые работы действительно хотелось сразу закрыть. В других я замечала решения, которые и теперь нравились: удачно развёрнутый стол, место для хранения там, где заказчики собирались оставить бесполезный угол, небольшую кухню, в которой наконец получилось нормально открыть холодильник.

Я не всё забыла.

Пока ещё не знала, достаточно ли этого, чтобы вернуться в профессию, но впервые после того разговора с Андреем передо мной была задача, в которой можно было хотя бы попробовать разобраться.

Когда я перенесла ноутбук на стол у окна, оказалось, что провод не дотягивается до розетки. Настольная лампа тоже не работала.

Мама предложила достать переноску с антресолей, но я вызвалась сходить в хозяйственный магазин. Мне хотелось выйти без чемодана и без необходимости объяснять кому-нибудь, почему я уезжаю.

* * *

Дорогу я помнила лучше, чем ожидала.

Возле школы убрали старые тополя, на месте булочной открылся салон связи, зато хозяйственный магазин остался там же, только стал больше. Раньше я заходила сюда с мамой за банками для варенья, а однажды мы с Леной покупали кисти для учебного макета и спорили у кассы, хватит ли нам потом денег на обед.

Я шла и вспоминала себя в этом городе.

Не мамой Полины, не женой Андрея Воронцова, которого всегда ждали какие-то более важные дела. Просто Верой, которая могла потратить последние деньги на хорошую бумагу, опоздать на автобус и целый вечер спорить о том, как лучше расставить мебель в комнате, существовавшей только на чертеже.

В магазине я нашла удлинитель, а потом надолго задержалась у лампочек. Сфотографировала старую перед выходом, но теперь всё равно сомневалась, ту ли коробку держу.

– Вера, это правда ты? Я сначала подумал, что обознался, а потом ты голову повернула.

Я оглянулась.

Мужчина стоял в нескольких шагах от меня с небольшой коробкой под мышкой. Тёмная куртка была расстёгнута, волосы коротко подстрижены. У глаз появились морщинки, лицо стало жёстче, чем я помнила, но улыбка осталась прежней – немного неровной, с приподнятым левым уголком рта.

Я узнала его не сразу. А когда узнала, почему-то крепче сжала упаковку.

– Максим… Надо же, я тебя сначала даже не узнала. Ты теперь здесь живёшь или тоже ненадолго приехал? Я почему-то думала, что ты давно перебрался куда-нибудь подальше.

Он улыбнулся шире, но не стал подходить вплотную.

– Живу здесь уже несколько лет, хотя по работе приходится ездить. А тебя ни разу не встречал, только от общих знакомых слышал, что ты давно в столице. К маме в гости приехала? Помню, ты раньше всегда переживала, что редко получается вырваться.

Я посмотрела на его руки, на коробку, снова на лицо.

Шестнадцать лет назад я могла часами ждать от него звонка. Придумывала причины его молчанию, убеждала себя не задавать лишних вопросов, чтобы не показаться навязчивой. Теперь он стоял передо мной между полками с лампочками и электрическими чайниками, и я совершенно не понимала, как разговаривать с ним после всего этого времени.

– Я к маме, да, только в этот раз не на выходные. Мы с дочкой пока у неё поживём, а дальше посмотрим. Я даже не знаю, правильно ли говорить, что вернулась, потому что ничего ещё толком не решила.

Максим перестал улыбаться так широко. Взгляд на мгновение опустился к моей руке с кольцом, но вопросов он не задал.

– Тогда, может быть, увидимся, когда ты немного устроишься? Выпьем кофе, поговорим. Я понимаю, что сейчас предложение неожиданное, и не хочу ставить тебя в неловкое положение, но буду рад, если ты согласишься.

Я машинально перевернула коробку в руках.

– Не знаю, Макс. У меня сейчас не самое подходящее время для встреч, и я, честно говоря, не очень понимаю, о чём мы будем разговаривать. Ты только не обижайся, я сегодня вообще не собиралась никого встречать.

Он кивнул. Не отвёл глаза, не попытался перевести всё в шутку, как когда-то делал при любом неудобном разговоре.

– Я не обижаюсь, Вер. И торопить тебя не собираюсь. Просто есть вещи, за которые я давно хотел перед тобой извиниться, а теперь встретил тебя и понял, что, если опять промолчу, потом буду жалеть.

Я почувствовала, как напряглись пальцы.

– Ты сейчас про то, как мы расстались? Я не уверена, что мне хочется это вспоминать, если честно. Тогда я довольно долго пыталась с тобой поговорить, а ты всё время был занят.

У него дрогнуло лицо, но взгляд он не отвёл.

– Да, я помню. Поэтому и не прошу делать вид, будто мы просто старые знакомые, которым приятно встретиться. Ты тогда заслуживала хотя бы честного ответа, а я так его тебе и не дал.

Мне хотелось сказать, что теперь этот ответ уже не нужен.

Вместо этого я достала телефон, чтобы записать его номер.

Глава 4. Ты хотя бы признаёшь, что струсил

На сообщение Максима я ответила далеко не сразу, хотя ничего сложного он не спрашивал.

Он предлагал встретиться на следующий день, выпить кофе в кафе возле сквера и поговорить без спешки. Я прочитала сообщение, отложила телефон, потом снова взяла его и начала писать, что сейчас слишком занята.

После этих слов стало стыдно.

Занята я была в основном тем, что проверяла переписку с Андреем и пыталась не замечать, как часто это делаю. Он прислал фотографию забытой Полининой зарядки, спросил, нужно ли отправить её, а потом сообщил, что вечером будет на совещании и позвонит дочери позже. Со мной разговаривал так, словно мы просто уехали к маме погостить.

Я стёрла написанное и согласилась на встречу.

Утром это решение уже не казалось удачным. Пока мама ходила за хлебом, я успела переодеться дважды, а потом разозлилась на себя и снова надела первый свитер. Мы собирались поговорить о том, что произошло шестнадцать лет назад. Для этого не требовалось выглядеть особенно хорошо.

Правда, волосы я всё-таки уложила.

Полина заметила это, когда вышла из комнаты с ноутбуком.

– Ты к Лене собираешься? Она же вроде сама вечером должна приехать, бабушка уже спрашивала, что приготовить.

Я застегнула серёжку, глядя в маленькое зеркало у двери.

– Лена приедет после работы, а я встречусь со старым знакомым, мы давно не виделись. Ненадолго, часа на полтора. Ты пока заканчивай задания, потом вместе посмотрим, что у тебя с литературой.

Дочь кивнула без особого интереса и понесла ноутбук на кухню. Я ещё несколько секунд постояла у зеркала, пытаясь понять, зачем вообще начала оправдываться.

* * *

Максим уже ждал.

Он выбрал столик у окна, подальше от кофемашины, и поднялся, как только увидел меня. На нём был тёмно-синий джемпер с чуть закатанными рукавами. Без куртки он выглядел ещё более непривычно: широкие плечи, крепкие руки, несколько светлых волосков у висков.

В моей памяти он оставался худощавым парнем, который вечно забывал поесть, зато мог полночи рассказывать о том, чем будет заниматься, когда наконец начнётся настоящая взрослая жизнь.

– Я немного раньше освободился, поэтому уже успел проверить, где здесь тише, – сказал он, отодвигая стул. – У той стены пришлось бы всё время переспрашивать друг друга, а у окна хотя бы можно нормально поговорить. Ты замёрзла? На улице ветер сильнее, чем утром.

– Немного, но я сама виновата, решила пройтись пешком. Думала, здесь всё рядом, а потом зачем-то свернула к старому корпусу института и сделала приличный круг.

Он улыбнулся, помог мне снять пальто и повесил его на крючок возле столика. Я села, положила сумку на соседний стул и сразу достала телефон.

Потом убрала его обратно.

Максим заметил это, но ничего не спросил.

Первые несколько минут мы старательно разговаривали обо всём, что не имело к нам отношения. О закрывшемся кинотеатре, о новом жилом комплексе возле реки, о преподавательнице, которую я однажды встретила в столице и не сразу узнала без привычной причёски.

Я слышала, насколько вежливо мы оба звучим, и от этого неловкость только усиливалась.

Официантка принесла меню. Максим заказал обед, а я ограничилась кофе, хотя с утра почти ничего не ела.

– Ты не смотри на меня с осуждением, я сегодня завтракал в семь и с тех пор был на ногах, – предупредил он, заметив мой взгляд. – Когда-то я мог прожить весь день на кофе, а теперь после такого начинаю разговаривать с людьми неприятным голосом. Решил не проверять это на тебе.

Я невольно улыбнулась.

– Я не осуждаю, просто вспомнила, как ты убеждал меня, что пачка печенья вполне заменяет нормальный ужин. Правда, потом приходил к нам домой и съедал всё, что мама ставила на стол.

– Твоя мама до сих пор, наверное, думает, что меня никто не кормил. Она ведь ещё с собой мне давала, и я ни разу не отказался, хотя сначала для приличия пытался спорить.

Я представила маму с контейнером в руках, и улыбка стала чуть свободнее.

Мы действительно когда-то знали друг друга. Не только гуляли и целовались, но и ели на нашей кухне, спорили о пустяках, вместе искали потерянные ключи. За годы всё это отодвинулось так далеко, что сейчас казалось почти чужой историей.

– А чем ты теперь занимаешься? – спросила я, чтобы не сидеть молча. – Вчера так растерялась, что даже ничего толком не узнала. Помню, у тебя всегда было сразу несколько планов, и каждый следующий почему-то отменял предыдущий.

Он чуть склонил голову, принимая замечание.

– Сейчас у меня небольшая компания, мы занимаемся отоплением и вентиляцией. Проектируем, устанавливаем, потом обслуживаем, когда заказчик уже забыл, где у него лежат документы. Начинали вдвоём с приятелем, теперь людей побольше, а свободного времени почему-то всё равно не прибавилось.

– И ты окончательно здесь обосновался? Просто в магазине мне показалось, что ты сказал про поездки, а я потом уже не стала переспрашивать.

– Основная работа здесь, но сейчас предлагают совместный проект в другом городе. Пока обсуждаем, потому что, если соглашаться, придётся часто ездить, а первые месяцы, возможно, проводить там по несколько дней в неделю. Я ещё не решил, стоит ли браться, хочется сначала понять, как всё организовать, а не наобещать лишнего и потом ничего не успевать.

Я провела пальцем по краю меню.

Слово «уехать» он не произнёс, но я всё равно услышала его.

Максим посмотрел на меня внимательнее.

– А у тебя с работой как сложилось? Ты же тогда хотела в бюро, где можно было делать не только квартиры. Я помню, ты рассказывала про конкурс, а я половину терминов не понимал и старательно кивал.

Я опустила глаза.

– В бюро я немного поработала, потом вышла замуж, мы начали переезжать. После рождения Полины брала небольшие заказы, но постоянно что-нибудь мешало. В какой-то момент оказалось, что я уже давно всем говорю, будто скоро вернусь к работе, а сама даже не знаю, с чего начинать.

Он не перебил и не стал уверять, что я наверняка ничего не забыла.

– Сейчас хочешь вернуться? – спросил он, когда я замолчала. – Ты ведь вчера в магазине была с таким сосредоточенным видом, что я сначала решил не подходить. Подумал, выбираешь что-то для объекта.

Я усмехнулась, покачав головой.

– Я пыталась купить лампочку к маминой лампе, вот и весь объект. Но Лена предложила прислать работы, а потом сделать тестовое задание для её студии. Вчера я два часа разбирала папки и даже нашла несколько проектов, которые не захотелось сразу удалить.

– Значит, уже отправила ей? Или пока пересматриваешь и каждый раз находишь новую причину ещё немного подождать?

Я улыбнулась.

– Отправила, хотя ты почти угадал. Мне пришлось закрыть папку сразу после отправки, иначе я бы начала писать следом, что всё это очень старое и вообще не стоит воспринимать всерьёз.

Он улыбнулся, но отвечать не стал: подошла официантка с заказом.

Пока она расставляла тарелки, я смотрела на Максима и пыталась привыкнуть к тому, как спокойно он слушает. Раньше ему почти всегда не терпелось заговорить самому. Он увлекался, перескакивал с одной мысли на другую, мог не заметить, что я так и не закончила фразу.

Теперь я успевала договорить, и это почему-то смущало.

Я добавила в кофе немного молока и наконец подняла голову.

– Макс, ты вчера сказал, что хотел извиниться. Я с утра думала, как мы к этому разговору подойдём, и сейчас понимаю, что можем ещё час обсуждать город и работу. Наверное, лучше я сама спрошу, что именно ты хотел мне сказать.

Он отложил вилку.

По его лицу я увидела, что готового красивого ответа у него нет. Максим посмотрел в окно, потёр большим пальцем костяшку на другой руке и только потом снова встретился со мной взглядом.

– Я хотел сказать, что тогда поступил с тобой очень плохо. Не потому, что не разобрался в чувствах или мы были слишком молодыми, хотя я долго именно так себе всё объяснял. Я понимал, что ты ждёшь от меня ответа, и специально тянул, потому что не хотел произносить вслух то, после чего ты уйдёшь.

Я почувствовала, как напряглась спина.

– А что ты боялся произнести? Что не любишь меня или что не хочешь жить со мной? Я тогда перебрала столько вариантов, что теперь хотя бы интересно, какой из них был правильным.

Максим медленно выдохнул.

– Мне было с тобой хорошо, и терять тебя я не хотел. Но когда ты заговорила о том, чтобы снять квартиру, вместе решать, где работать и как жить, я испугался. Мне хотелось самому выбирать, куда ехать, с кем встречаться вечером, на что тратить деньги, и при этом я рассчитывал, что ты никуда не денешься. Я понимаю, как это звучит, но другого честного ответа у меня нет.

Я смотрела на него, забыв о кофе.

Когда-то я готовила себе совершенно другой разговор. Представляла, как он объяснит, что всё было сложнее, чем я думала. Что существовала причина, о которой он не мог рассказать, что я чего-то не знала.

Сейчас оказалось, что никакой тайны не было.

– Ты ведь сам сначала предложил посмотреть квартиры, – напомнила я. – Я не пришла к тебе с требованием немедленно жениться. Ты сказал, что нам будет удобнее жить вместе, а я поверила и начала искать варианты. Даже ездила смотреть одну квартиру, пока ты был на работе, а потом ты несколько дней не мог найти время, чтобы хотя бы послушать, что там и как.

Он кивнул, сжав губы.

– Помню. В тот момент мне действительно казалось, что я этого хочу, а потом начались разговоры о залоге, мебели, деньгах, и я понял, что это уже не просто приятная мысль. Нужно было сказать тебе сразу, что я не готов, но мне было стыдно выглядеть человеком, который сначала предложил, а потом передумал. Поэтому я начал пропадать, отменять встречи и надеяться, что ты сама перестанешь спрашивать.

От злости у меня нагрелись щёки.

– Я не только перестала спрашивать, Макс. Я ещё несколько недель думала, что сделала что-то не так. Вспоминала каждый наш разговор, пыталась понять, в какой момент стала тебе мешать. Ты говорил, что занят, а я даже обижаться боялась, потому что вдруг у тебя правда неприятности и я только добавляю проблем.

Он опустил глаза на свои руки.

Я ждала, что сейчас он начнёт рассказывать, как тяжело ему самому было в то время. С учёбой, работой, деньгами, с чем угодно, что позволило бы нам разделить ответственность за его исчезновение.

Но он снова посмотрел на меня и тихо произнёс:

– Я знаю, что ты пыталась меня понять. Мне тогда было удобно, что ты пытаешься, поэтому я и не останавливал тебя. Надеялся, что мы как-нибудь постепенно расстанемся и мне не придётся смотреть, как тебе больно. Получилось, что я заставил тебя всё переживать одну, лишь бы самому не участвовать в неприятном разговоре.

Я отвернулась к окну.

По тротуару шла женщина с маленьким ребёнком. Он подпрыгивал на каждой второй плитке, а она терпеливо подстраивалась под его шаг. Я смотрела на них, пока они не скрылись из виду, и старалась разобраться, почему у меня до сих пор так неприятно сжимается горло.

– Ты хотя бы признаёшь, что струсил, а не объясняешь, что я слишком многого от тебя хотела, – сказала я, повернувшись обратно. – Но мне не хочется сейчас отвечать, что всё давно забыто и мы были детьми. Мне был двадцать один год, я действительно тебя любила и вполне серьёзно представляла, как мы будем жить дальше.

У Максима покраснела шея над воротом джемпера.

– Я не считаю, что ты должна меня успокаивать. Мне хотелось, чтобы ты услышала от меня то, что я должен был сказать ещё тогда: ты ничего не испортила, я сам не справился. И мне очень жаль, что вместо нормального разговора я оставил тебе все эти догадки.

Я обхватила чашку обеими ладонями.

Извинение не изменило прошлого. Я по-прежнему помнила, как ждала его возле института, потому что он обещал приехать, и как потом отвечала маме, что мы просто давно не виделись из-за работы.

Но сейчас рядом сидел человек, который не пытался убедить меня, что я всё преувеличила.

Это было непривычно.

* * *

К тому моменту, как мы заговорили о его жизни после нашего расставания, я всё-таки заказала пирог.

Максим больше не извинялся и не пытался по моему лицу угадать, простила ли я его. Он рассказал, как несколько лет работал в другом городе, как вернулся и первое время жил у родителей, потому что почти все деньги ушли на оборудование.

Я слушала и постепенно переставала искать в его лице прежнего парня.

– А ты был женат? – спросила я, когда он замолчал. – Я слышала когда-то от знакомых, но уже не помню, кто рассказывал и когда. Мы с тобой столько лет не общались, что я, кажется, знаю только несколько случайных обрывков.

Он откинулся на спинку стула.

– Был, развёлся четыре года назад, детей у нас не было. Мы долго пытались убедить себя, что всё нормально, потому что вроде и повода расходиться нет. Потом выяснилось, что почти все важные вещи мы представляем по-разному, а обсуждать это начали слишком поздно.

– Ты и там ждал, что всё как-нибудь решится без разговора? – спросила я, а потом сама поморщилась. – Извини, это получилось злее, чем я хотела. Я не собиралась сейчас проверять, хорошо ли ты усвоил урок.

Он чуть улыбнулся, но веселья в этой улыбке не было.

– Всё равно вопрос справедливый. Иногда ждал, да, и работы находил себе столько, чтобы на остальное уже не оставалось сил. Я не стал разумным человеком сразу после того, как мы с тобой расстались, хотя сейчас было бы удобно именно это рассказать.

Я осторожно отломила вилкой кусочек пирога.

Мне было странно слышать о его жене. Не больно и не обидно, просто странно. У него успела пройти целая жизнь, о которой я ничего не знала. Он тоже возвращался вечерами домой, с кем-то ссорился, кому-то покупал продукты, что-то обещал и не всегда выполнял.

– Я тоже развожусь, – сказала я, прежде чем успела решить, насколько подробно хочу об этом говорить. – Заявление подала перед отъездом, поэтому формально мы ещё женаты. Наверное, стоило сказать тебе сразу, а не делать вид, что я просто приехала погостить.

Максим выпрямился.

– Я понял, что у тебя что-то происходит, но не хотел расспрашивать. Ты вчера выглядела так, будто и без моих вопросов еле держишься. Это недавно случилось или вы давно уже решили разойтись?

Я провела пальцем по кольцу и сразу убрала руку под стол.

– На днях. У Андрея другая женщина, я увидела сообщение, а он не стал отрицать. Только до сих пор считает, что мы обязательно помиримся, если я немного успокоюсь. Я бы не хотела сейчас рассказывать подробности, иначе наш разговор окончательно превратится в обсуждение моего мужа.

У Максима заметно напряглась челюсть. Он посмотрел на мою руку, потом снова мне в лицо.

– Ты собираешься к нему возвращаться? – спросил он и тут же потёр лоб, словно сам был недоволен тем, как это прозвучало. – Прости, я не должен был спрашивать так, будто ты уже обязана во всём разобраться. Просто не ожидал, что всё настолько недавно.

Я долго собирала крошки на краю тарелки.

– Сейчас не собираюсь. Но я не знаю, что буду чувствовать через месяц, и не хочу притворяться, будто мне уже легко без него. Я всё ещё его люблю, Макс. Мне очень неприятно в этом признаваться после того, что он сделал, но за эти дни ничего не исчезло.

Произнеся это, я почувствовала почти такое же облегчение, как после разговора с мамой.

Теперь хотя бы не нужно было подбирать безопасные формулировки.

Максим немного помолчал. Я видела, что мои слова ему не понравились, и почему-то была благодарна за то, что он не прячет этого за участливой улыбкой.

– Наверное, было бы странно, если бы исчезло, – ответил он наконец. – Вы столько лет вместе прожили, у вас дочь. Я сейчас могу наговорить про твоего мужа всё, что мне пришло в голову, только тебе от этого вряд ли станет легче. Давай лучше ты сама решишь, когда захочешь об этом говорить, а я пока не буду лезть.

Я подняла на него глаза.

– Мне всё время кажется, что от меня ждут понятного ответа. Чтобы я либо окончательно его возненавидела, либо простила и поехала домой, а я пока могу утром быть уверенной, что поступила правильно, и через час уже сомневаться. Наверное, со мной сейчас не очень интересно разговаривать, потому что я даже на обычный вопрос не могу нормально ответить.

Максим нахмурился.

– Мы с тобой полчаса обсуждали твою работу, и мне было интересно. Потом ты напомнила, каким идиотом я был, это уже было неприятнее, но тоже вполне содержательно. Так что не надо заранее решать за меня, как я здесь провёл время.

Я неожиданно улыбнулась.

Он тоже улыбнулся, осторожно, словно проверяя, не обидел ли меня.

После этого стало легче.

Мы ещё немного поговорили о Лене, о её студии и о том, как я боялась открывать собственные старые проекты. Максим спросил, есть ли у меня фотографии готовых квартир, и я нашла несколько в телефоне. Он рассматривал их внимательно, задал вопрос про перегородку возле кухни, потом попросил показать, что было до ремонта.

Я увлеклась объяснением и только через какое-то время заметила, что больше не проверяю, не написал ли Андрей.

* * *

Из кафе мы вышли почти через два часа.

На улице похолодало, и я сразу застегнула пальто до самого верха. Максим подождал, пока я справлюсь с пуговицей, и кивнул в сторону парковки.

– Я могу отвезти тебя к маме, машина совсем рядом. Только не надо соглашаться из вежливости, если тебе хочется пройтись. Я помню, ты любила сначала сказать, что тебе удобно, а потом полдороги смотреть на меня так, что становилось понятно: удобнее было бы без меня.

Я поправила шарф, сдерживая улыбку.

– Некоторые привычки у меня, видимо, сохранились. Но сейчас я правда хочу пройтись, мне нужно немного побыть одной. Мы сегодня поговорили о большем, чем я ожидала, и я пока не знаю, что со всем этим делать.

Он кивнул и засунул руки в карманы куртки.

Мы стояли возле двери, мешая входящим. Я отошла ближе к краю тротуара, ожидая, что сейчас мы попрощаемся.

Максим пошёл за мной.

– Я хотел бы увидеть тебя ещё раз, Вер. Уже не для того, чтобы извиняться и вспоминать, где всё испортил. Мне сегодня было хорошо с тобой, даже с учётом того, какую часть разговора я заслужил.

Я почувствовала, что начинаю улыбаться, и тут же опустила глаза.

– Я ведь только что рассказала тебе, что до сих пор люблю мужа. Не хочу, чтобы ты решил, будто я согласилась встретиться потому, что уже готова начать другую жизнь. У меня сейчас всё слишком запутано, и я могу ненароком пообещать больше, чем смогу дать.

Он немного приблизился, но не коснулся меня.

– Я тебя услышал. И не предлагаю завтра начинать новую жизнь, тем более ради меня. Но делать вид, что мне просто приятно поболтать со старой знакомой, тоже не хочу. Ты мне нравишься, Вера, и на следующую встречу я хотел бы пригласить тебя именно на свидание.

Я подняла голову.

Он смотрел прямо, без улыбки, которой можно было бы потом прикрыть сказанное.

Мне вдруг стало жарко под застёгнутым пальто.

– Я не знаю, что тебе сейчас ответить, – призналась я, крепче перехватывая ремешок сумки. – Я ещё утром думала, что приду на полчаса, выслушаю тебя и больше не захочу встречаться. Поэтому дай мне хотя бы немного времени привыкнуть к тому, что всё получилось иначе.

Максим улыбнулся, и я снова увидела в его лице что-то давно знакомое.

– Хорошо, подумай. Только ответь мне потом честно, даже если решишь отказаться. Мы с тобой уже выяснили, сколько неприятностей бывает, когда один человек молчит, а другой пытается догадаться почему.

Я пообещала ответить и пошла в сторону маминого дома.

Телефон лежал в сумке, обручальное кольцо оставалось на пальце, и Андрей по-прежнему был человеком, которого я любила. Ничего из этого за два часа не изменилось.

Но, дойдя до перехода, я всё-таки обернулась.

Максим ещё стоял возле кафе. Увидел, что я смотрю, и поднял руку.

Я ответила ему и вдруг поняла, что не придумала ни одной причины для отказа, которую действительно хотела бы ему назвать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.